

всюду рассеяны отдельные мысли, так близко, почти до буквального сходства, совпадающие с вашими взглядами». ¹⁹² Там же Гусев недоуменно вопрошает: «Интересует и удивляет меня: почему вы так мало, почти никогда не упоминаете о Достоевском, не ссылаетесь на него, не рекомендуете его?..» ¹⁹³ В другом письме, от 18 апреля 1910 года, Гусев снова возвращается к Достоевскому, чтение произведений которого «переворачивает» его душу. Он выписывает большой фрагмент из романа «Идиот» (разговор Мышкина с камердинером Епанчиных о смертной казни). Там же Гусев оспаривает концепцию Мережковского, противопоставлявшего Достоевского и Толстого. Оспаривает эмоционально и немного наивно: «Если Достоевский понял и оценил выражение религиозной истины „Мне отмщение, и Аз воздам“ в „Анне Карениной“, то можно ли думать, чтобы ему остались чужды выражающие напряженнейшие религиозные искания „Исповедь“, „В чем моя вера?“, „Воскресение“ и др. Мог ли он, сам сгоравший жаждой веры, не преклониться перед той верой, которая легла в основу вашей жизни и так просто, ярко и трогательно много раз была выражена вами: что „жизнь моя — не моя, а Пославшего меня“, и что жизнь моя есть исполнение Его воли. И не величайшая ли и кощунственная нелепость — утверждать, что могут быть чужды или даже враждебны друг другу два человека, одинаково томившиеся жаждой общения с Отцом нашим, Который, как сказал Магомет, к тому, кто хочет приблизиться к Нему на одну пядь, приближается на один локоть, и к тому, что идет к Нему шагом, к тому Он бежит?» ¹⁹⁴

На это письмо Толстой собирался ответить, да передумал — отталкивал пафос; сближение с Достоевским несколько не радовало; слишком многое их разделяло, с годами различия не только не стирались, но становились еще более резкими: не так уж трудно представить реакцию Достоевского на роман «Воскресение», если бы писателю довелось дожить до него... А вот апрельское письмо 1910 года с критикой воззрений Достоевского Толстого порадовало, совпало с его собственными настроениями.

И все же независимо от воли Толстого образы романа Достоевского овладели им, проникли в поэтические сны, как об этом красноречиво говорит сон о Страхове и его романе с Грушенькой: «чудный сюжет», к которому уже после ухода из Ясной Поляны собирался вернуться Толстой. Равно хотел вернуться Толстой и к чтению романа «Братья Карамазовы»: в письме к дочери Александре Львовне 28 октября он просит прислать ему второй том романа. Толстому уже не было суждено ни дочитать роман Достоевского, ни — тем более — написать повесть на «чудный сюжет», но значимо, что его волновало и то и другое.

Вряд ли случайно и то, что из всех героинь Достоевского (судя по всему, они не очень были по вкусу Толстому, хотя, видимо, писатель и не разделял слишком резкого мнения Страхова, которого так странно соединила с героиней романа «Братья Карамазовы» причудливая и капризная фантазия сновидения) он выделил Грушеньку, предмет вожделения Федора и Дмитрия Карамазовых.

Героиня романа не «поражает», но неотразимо, неуловимо берет в полон, закабаляет, зачаровывает. Дмитрий о ней в сладострастном восторге восклицает: «У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался. Видел и целовал, но и только — клянусь! Говорит: „Хочешь, выйду

¹⁹² Новые материалы о Л. Н. Толстом / Ред. А. А. Донсков. Сост. З. Н. Иванова и Л. Д. Громова. Ottawa, 2002. С. 98.

¹⁹³ Там же. С. 99.

¹⁹⁴ Там же. С. 140.